This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Soc
920
38.20
WIDENER
HN QUFC .

Soc 920.38.20

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Lettre[illegible]lèric Engels sur la Russie.

ВИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Серія II. — Випускъ II.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ О РОССІИ

1) Отвѣтъ П. Н. Ткачеву (1875 г.)

2) Послѣсловіе къ нему (1894 г.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

В. ЗАСУЛИЧЪ

RUSSIAN BOOK STORE,
356 Grand Street,
NEW YORK

ЖЕНЕВА
Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА", Route de Lancy, 6

1894

Lettres de Frédéric Engels sur la Russie.

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Серія II. — Выпускъ III.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ О РОССІИ

1) Отвѣтъ П. Н. Ткачеву (1875 г.)

2) Послѣсловіе къ нему (1894 г.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

В. ЗАСУЛИЧЪ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА", Route de Lancy, 6

1894

Δ
Soc 920.38.20
✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 18 1962

HCL

III

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Печатаемыя нами статьи Энгельса о Россіи: Отвѣтъ Ткачеву (1875 г.) и послѣсловіе къ нему (1894), скажутъ русской читающей публикѣ большую услугу. Онѣ будутъ содѣйствовать разсѣянію двухъ предразсудковъ, одинаково вредныхъ для революціонной дѣятельности.

Первый предразсудокъ, унаслѣдованный нашими революціонерами еще отъ славянофиловъ, касается чудодѣйственныхъ свойствъ русской общины, которая будто бы сама собою, въ силу внутренней своей природы, стремится перейти въ соціалистическую форму общежитія. Энгельсъ прекрасно обнаруживаетъ ошибочность этого взгляда и убѣдительно доказываетъ, что подобный переходъ могъ бы стать возможнымъ развѣ лишь при вліяніи на русскую крестьянскую массу *соціалистическаго пролетаріата*, когда этотъ послѣдній станетъ господиномъ положенія на Западѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Энгельсъ выясняетъ истинный смыслъ знаменитаго у насъ *„Письма Маркса къ Михайловскому*[1]). Когда письмо это стало извѣстно рус-

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что письмо было написано не къ г. Михайловскому, а къ редактору *„Отечественныхъ Записокъ"*. О г. Михайловскомъ Марксъ говоритъ тамъ не иначе, какъ въ третьемъ лицѣ.

SOLAN. C. JUNE. 1940

скимъ революціонерамъ, многіе изъ нихъ вообразили, что авторъ „*Капитала*“ смотритъ на русскую общину почти совершенно такъ же, какъ смотрѣли Бакунинъ, Ткачевъ и другіе соціалисты-утописты на славянофильской подкладкѣ. Это пріятное открытіе чрезвычайно успокоительно подѣйствовало на всѣхъ тѣхъ, кому непріятно было разстаться со старыми, самою жизнью осужденными предразсудками. Дѣло дошло до того, что даже люди, рѣшительно ничего общаго не имѣющіе ни съ соціализмомъ, ни съ революціей, — напр. г. В. В. и г. С. К., внутренній обозрѣватель „*Русскаго Богатства*“ — стали ссылаться на „*Письмо*“ въ защиту самыхъ нелѣпыхъ мнѣній, самыхъ дикихъ фантазій. Въ Россіи появились, по замѣчанію одного остроумнаго человѣка, особаго рода марксисты, — марксисты, согласные съ Марксомъ лишь постольку, поскольку онъ писалъ письмо къ Михайловскому. Статьи Энгельса показываютъ, что каковъ бы ни былъ взглядъ его и его геніальнаго друга на русскую экономическую дѣйствительность, онъ никогда не имѣлъ и не имѣетъ ничего общаго съ воззрѣніями нашихъ доморощенныхъ соціалистовъ и „соціологовъ“. Если уже разсужденія покойнаго Ткачева вызвали у Энгельса вопросъ, — *какъ можетъ предаваться имъ человѣкъ, переживший двѣнадцатилѣтній возрастъ?* — то въ какое удивленіе повергла бы его книга г. В. В. „*Наши направленія*“ или несклады, лишенныя даже грамматическаго смысла разглагольствованія г. С. К.?

Другой предразсудокъ, — болѣе свѣжаго происхожденія. Русская читающая публика обязана имъ человѣку,

который при своихъ знаніяхъ могъ бы, казалось, дать ей нѣчто лучшее. Мы говоримъ о г. Н—онѣ. Въ своей книгѣ „Очерки нашего пореформеннаго хозяйства" г. Н—онъ болѣе или менѣе удовлетворительно указалъ на тѣ противорѣчія, въ которыхъ вращается русскій капитализмъ, и въ которыхъ, замѣтимъ отъ себя, еще раньше вращался капитализмъ западной Европы. Устранить эти противорѣчія должно и можетъ, по мнѣнію г. Н—она, *русское общество*. Смыслъ этого слова — *общество*, вообще говоря, очень неопредѣленъ, и на основаніи его трудно сказать, что имѣетъ въ виду г. Н—онъ. Но наши „соціологи", поспѣшившіе съ нимъ, „*родными счесться*", истолковали загадочное выраженіе въ смыслѣ какъ нельзя болѣе благопріятномъ для ихъ консервативныхъ, — если не реакціонныхъ — штатсъ-соціалистическихъ плановъ. Такое истолкованіе показалось вѣроятнымъ многимъ читателямъ, да и самъ г. Н—онъ не отрекся отъ новой, навязчивой и позорящей его „родни". Напротивъ, онъ самъ протянулъ ей руку на страницахъ „Русскаго Богатства". Такимъ образомъ книга его легла въ основу новаго предразсудка, который можно формулировать такъ: *особенности нашего экономическаго развитія не оставляютъ у насъ мѣста для политической самодѣятельности рабочаго класса.* Но всякія штатсъ-соціалистическія увлеченія *общества* отсрочиваютъ паденіе современнаго русскаго *правительства*, и потому выводы г. *Н—она* полезно будетъ противопоставить мнѣніе *Энгельса*, выраженное въ предлагаемомъ здѣсь „Послѣсловіи".

„Я не рѣшусь сказать, уцѣлѣли ли отъ русской об-

щины такіе остатки, которые могли бы, при подходящихъ условіяхъ явиться, вмѣстѣ съ переворотомъ на Западѣ, исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія, какъ мы съ Марксомъ надѣялись еще въ 1882 году. Но вотъ что несомнѣнно: если остатки русской общины могутъ быть спасены, то лишь при условіи низверженія царскаго деспотизма, — революціи въ Россіи. Эта революція вырветъ массу русскаго народа — крестьянъ — изъ уединенія ихъ деревень, составляющихъ для нихъ весь *міръ*, и выведетъ ихъ на широкую арену, съ которой они увидятъ внѣшній міръ, а черезъ это узнаютъ и самихъ себя, свое собственное положеніе и средства спасенія изъ теперешней нужды. Но, кромѣ того, эта революція дастъ новый толчекъ рабочему движенію Запада, дастъ ему лучшія условія борьбы и тѣмъ ускоритъ побѣду промышленнаго пролетаріята, безъ которой современная Россія не можетъ прійти къ соціалистическому перевороту ни черезъ общину, ни черезъ капитализмъ."

И такъ, мы должны посвятить теперь свои силы не фантастическимъ попыткамъ невозможной теперь „*организаціи производства*", *а рѣшительной борьбѣ съ царизмомъ*. Разъ поймемъ мы важность этой великой политической задачи, отъ рѣшенія которой зависитъ все экономическое будущее Россіи, мы тотчасъ увидимъ, что нельзя разрѣшить ее, не вовлекши предварительно въ борьбу по крайней мѣрѣ *тѣхъ слоевъ нашего трудящагося населенія, которые уже пробуждены отъ вѣковой спячки* шумомъ и толчками капитализма.

Наши „соціалисты" ветхаго завѣта думали, что рус-

кій крестьянинъ ближе къ соціализму, чѣмъ западный пролетаріатъ. Энгельсъ опровергаетъ этотъ взглядъ и показываетъ, какъ необходимо будетъ русскому крестьянину содѣйствіе соціалистическаго пролетаріата Запада. Но развитіе капитализма создало пролетаріатъ въ самой Россіи. Всѣ безпристрастные изслѣдователи согласны въ томъ, что этотъ пролетаріатъ обнаруживаетъ страстную жажду знанія, неудержимое стремленіе къ самообразованію. Наши соціалисты изъ „интеллигенціи" сдѣлали бы огромную, непоправимую ошибку, если бы не замѣтили этихъ признаковъ приближающагося политическаго пробужденія нашего рабочаго класса и продолжали бы по прежнему, какъ выражается одинъ изъ героевъ Щедрина, „*пускать революцію*" только „*промежду себя*".

Морнэ, Іюль 1894.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ О РОССІИ

Нижеслѣдующія строки были написаны мною по случаю полемики, завязавшейся у меня съ нѣкіимъ г. Петромъ Никитичемъ Ткачевымъ. Въ статьѣ о выходившемъ въ Лондонѣ русскомъ періодическомъ изданіи „*Впередъ*“ [1]) мнѣ случилось упомянуть имя этого господина хотя мимоходомъ, но такимъ образомъ, который накликалъ на меня его драгоцѣнную непріязнь. Г. Ткачевъ опубликовалъ немедленно „*Открытое письмо къ Фридриху Энгельсу*“ (Цюрихъ 1874), въ которомъ приписывалъ мнѣ самыя удивительныя мнѣнія и, для вразумленія читателей, противопоставилъ моему вопіющему невѣжеству свой собственный взглядъ на положеніе дѣлъ и на шансы соціальной революціи въ Россіи. И форма, и содержаніе этого произведенья посыпи на себѣ обычную бакунистскую печать. Такъ какъ оно появилось по нѣмецки, я счелъ нужнымъ отвѣтить въ „Volksstaat“ [2]). Первая часть моего отвѣта посвящена была преимущественно характеристикѣ бакунистскихъ пріемовъ литературной борьбы, которые состоятъ просто на просто въ томъ, что противнику навязывается

---

[1]) Volksstaat. 1874. №№ 117, 118.

[2]) Смотри „Flüchtlings-Literatur“, № IV и V, „Volksstaat“ 1875, № 36 и слѣдующія.

цѣлая масса прямой лжи. Напечатаніемъ этой первой части въ „Volksstaat" названному предмету было оказано достаточно вниманія. Поэтому я ее и выпускаю здѣсь, въ отдѣльномъ изданіи, предпринятомъ нѣмецкой партіей, оставляя лишь вторую часть, въ которой говорится главнымъ образомъ объ общественномъ положеніи Россіи, какъ оно сложилось послѣ такъ называемаго освобожденія крестьянъ въ 1861 году.

Ходъ развитія Россіи имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для нѣмецкаго рабочаго класса. Существующее русское царство представляетъ собою послѣдній великій оплотъ всей западно-европейской реакціи. 1848 и 1849 годы доказали это самымъ рѣшительнымъ образомъ. Такъ какъ въ 1848 году Германія пропустила случай поднять поляковъ и занять русскаго царя войною (какъ того требовала съ самаго начала „Новая рейнская газета") то тотъ же самый царь могъ подавить въ 1849 г. уже достигшее воротъ Вѣны, венгерское возстаніе; могъ призывать въ 1850 г. предъ свое судилище въ Варшавѣ Австрію, Пруссію и мелкія германскія государства и возстановить старый союзный сеймъ. И еще на дняхъ — въ началѣ Мая 1875 года — русскій царь, точь въ точь, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, принималъ въ Берлинѣ поклоненіе своихъ вассаловъ и доказалъ, что онъ все еще остается рѣшителемъ судебъ Европы. Никакая революція не можетъ одержать окончательной побѣды въ Западной Европѣ, пока рядомъ стоитъ современное русское царство. Но Германія — ближайшая сосѣдка этого царства, на нее, слѣдовательно, падутъ первые удары русской реакціонной арміи. Разложеніе и свержеиіе русскаго царизма составляетъ поэтому первѣйшее условіе окончательнаго торжества нѣмецкаго пролетаріата.

Для этого свержения вовсе не требуется, однако, внѣшней силы, хотя внѣшняя война и могла бы его очень ускорить. Внутри самого русскаго царства существуютъ элементы, усиленно трудящіеся надъ его уничтоженіемъ.

Во первыхъ — Поляки. Столѣтнее угнетеніе поста-

вило ихъ въ такое положеніе, при которомъ они должны — или быть революціонерами и поддерживать всякое истинно революціонное возстаніе въ Европѣ, какъ первый шагъ къ освобожденію Польши, или признать Польшу окончательно погибшей. И именно теперь они могутъ искать себѣ союзниковъ на западѣ Европы исключительно лишь въ лагерѣ пролетаріата. Въ теченіе ста лѣтъ Польшу продавали всѣ западныя буржуазныя партіи. Въ Германіи буржуазія получила значеніе лишь въ 1848 году, и съ тѣхъ поръ была всегда враждебна полякамъ. Во Франціи Наполеонъ предалъ Польшу въ 1812 году и вслѣдствіе этого предательства проигралъ походъ и потерялъ корону и имперію; буржуазное королевство послѣдовало его примѣру въ 1830 и 1846 годахъ; затѣмъ въ 1848 году Польшѣ измѣнила буржуазная республика, а во время крымской войны и въ 1863 году вторая имперія. Всѣ одинаково позорно продавали Польшу. И теперь еще радикальная буржуазія республиканской Франціи ползаетъ передъ царемъ, чтобы цѣною новаго предательства Польши выторговать у него союзъ возмездія противъ Пруссіи, точно также, какъ нѣмецкая монархическая буржуазія обоготворяетъ того же самаго царя въ качествѣ охранителя европейскаго мира, то есть прусско-германскихъ завоеваній. Вполнѣ искреннюю и честную поддержку поляки находятъ лишь среди революціонныхъ рабочихъ, имѣющихъ одинаковый съ ними интересъ въ паденіи общаго врага, такъ какъ это паденіе означаетъ освобожденіе Польши. Но дѣятельность поляковъ ограничена опредѣленной мѣстностью. Оно распространяется на собственно Польшу, Литву и Малороссію. Настоящее ядро русскаго царства, Великороссія, не подлежитъ ихъ воздѣйствію. Сорокъ милліоновъ великороссовъ составляютъ слишкомъ большой народъ и имѣли слишкомъ своеобразное развитіе, чтобы имъ можно было извнѣ навязать то или другое движеніе. Но этого совсѣмъ и не нужно. Масса русскаго народа, крестьянство, дѣйствительно прозябала въ теченіе цѣлыхъ столѣтій внѣ всякаго историческаго движенія, единственное разнообра-

зіе, которое вносилось въ это сонное существованіе состояло въ нѣсколькихъ безплодныхъ возстаніяхъ и въ новыхъ притѣсненіяхъ со стороны дворянства и правительства. Русское правительство положило конецъ этому внѣисторическому существованію въ 1861 году посредствомъ ставшей тогда совершенно неизбѣжной отмѣны крѣпостнаго права, — мѣры, которая осуществлена была такъ разумно, что раззорила большую часть какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Такимъ образомъ само положеніе, въ которомъ находится теперь русскій крестьянинъ, вовлекаетъ его въ движеніе. Конечно, это движеніе находится еще въ зачаткѣ, но оно необходимо должно будетъ усиливаться вслѣдствіе постояннаго ухудшенія экономическаго положенія крестьянской массы. Глухое недовольство крестьянъ уже теперь есть фактъ, съ которымъ необходимо нужно считаться какъ правительству, такъ и всѣмъ противоправительственнымъ партіямъ.

И такъ, когда у меня рѣчь идетъ о Россіи, то я говорю не обо всемъ русскомъ царствѣ, а исключительно только о Великороссіи, т. е. объ области, которая на западѣ заканчивается губерніями Псковской и Смоленской, а на югѣ Воронежской и Курской.

Г. Ткачевъ увѣряетъ нѣмецкихъ рабочихъ, что у меня относительно Россіи совсѣмъ нѣтъ даже „малѣйшихъ свѣдѣній", а имѣется одно лишь „невѣжество"; онъ чувствуетъ себя вынужденнымъ выяснить имъ истинное положеніе дѣлъ и указать тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ соціальная революція можетъ быть сдѣлана въ Россіи почти шутя, во всякомъ случаѣ съ гораздо большей легкостью чѣмъ въ Западной Европѣ.

„У насъ совсѣмъ нѣтъ городскаго пролетаріата, это правда; но за то у насъ совсѣмъ нѣтъ и буржуазіи..... наши рабочіе должны будутъ бороться съ *политической властью*: *власть капитала* у насъ еще въ зародышѣ, а вамъ небезъизвѣстно, милостивый государь, что борьба съ первой гораздо легче, чѣмъ борьба съ послѣдней."

Переворотъ, къ которому стремится современный со-

ціализмъ можетъ быть въ немногихъ словахъ выраженъ такъ: побѣда пролетаріата надъ буржуазіей и переустройство общества путемъ уничтоженія всякихъ классовыхъ различій. Для этого нужна наличность не только пролетаріата, который совершитъ переворотъ, но также и буржуазіи, въ рукахъ которой общественныя производительныя силы достигаютъ развитія, дѣлающаго возможнымъ уничтоженіе классовъ. У дикарей и у полудикарей часто также совсѣмъ нѣтъ классовыхъ различій, и всякій народъ прошелъ черезъ такое состояніе. Стремиться возстановить его было бы нелѣпо уже по одному тому, что изъ него, при развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, необходимо развиваются классовыя различія. Только на извѣстной, относительно очень высокой, ступени развитія общественныхъ производительныхъ силъ дѣлается возможнымъ поднять производство такъ высоко, чтобы уничтоженіе классовъ стало дѣйствительно шагомъ впередъ, и чтобы оно было прочнымъ и не вызвало застоя или даже регресса въ общественномъ производствѣ. Такой ступени развитія производительныя силы достигли лишь въ рукахъ буржуазіи.

Слѣдовательно, буржуазія и съ этой стороны является такимъ же необходимымъ предварительнымъ условіемъ соціалистической революціи, какъ и самъ пролетаріатъ. Поэтому человѣкъ, способный утверждать, что такая революція облегчается въ извѣстной странѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ней *хотя* нѣтъ пролетаріата, но *за то* нѣтъ и буржуазіи, обнаруживаетъ лишь полнѣйшее незнаніе азбуки соціализма.

И такъ, русскимъ рабочимъ, которые по словамъ г. Ткачева, „землевладѣльцы, и какъ таковые, не пролетаріи, а собственники", легче потому, что имъ предстоитъ бороться не съ силой капитала, а „только съ политической силой", съ русскимъ государствомъ. А это государство „только издали кажется силою... оно не имѣетъ корней въ экономической жизни народа, не воплощаетъ въ себѣ интересовъ какого бы то ни было сословія... У васъ государство обладаетъ дѣйствитель-

ной силой. Оно обѣими ногами опирается на капиталъ; оно воплощаетъ въ себѣ(!) извѣстные экономическіе интересы... У насъ въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ какъ разъ на оборотъ. Наши общественныя формы обязаны своимъ существованіемъ государству, которое виситъ, такъ сказать въ воздухѣ, не имѣетъ ничего общаго съ существующимъ общественнымъ строемъ и коренится только въ „прошломъ, но не въ настоящемъ."

Не будемъ останавливаться на путаницѣ, заключающейся въ представленіи, будто экономическіе интересы нуждаются для своего *воплощенія* въ ими же созданномъ государствѣ. Оставимъ также въ сторонѣ смѣлыя и противорѣчивыя утвержденія, будто русскія „общественныя формы (къ которымъ принадлежитъ вѣдь и крестьянская община) обязаны своимъ существованіемъ государству", при чемъ это же самое государство объявляется „не имѣющимъ ничего общаго" со своимъ же созданіемъ, „существующимъ общественнымъ строемъ." Разсмотримъ лучше тотчасъ же „висящее въ воздухѣ государство", которое не представляетъ интересовъ ни одного сословія.

Въ европейской Россіи крестьяне владѣютъ 105 милліонами десятинъ земли, дворяне (къ которымъ для краткости я причисляю всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ) 100 милліонами, изъ которыхъ почти половина принадлежитъ 15,000 дворянъ, имѣющихъ, такимъ образомъ, по 3,300 десятинъ каждый. Дворянской земли лишь немногимъ меньше, чѣмъ крестьянской. Дворяне не имѣютъ, очевидно, ни малѣйшаго интереса въ существованіи русскаго государства, закрѣпляющаго за ними владѣніе половиной страны. Далѣе, крестьяне, за свою половину платятъ 195 милліоновъ рублей поземельнаго налога, дворяне — 13 милліоновъ! Дворянскія земли въ среднемъ вдвое плодороднѣе крестьянскихъ, такъ какъ при разверсткѣ, послѣдовавшей за уничтоженіемъ барщины, къ дворянамъ отошла не только большая, но также и лучшая часть земли, причемъ крестьяне вынуждены платить за свою худшую землю, какъ

за лучшую. И русское дворянство не имѣетъ никакого интереса въ сохраненіи русскаго государства!

Масса крестьянъ поставлена освобожденіемъ въ самое бѣдственное, невыносимое положеніе. Во всѣхъ плодородныхъ частяхъ имперіи у крестьянъ оставлено слишкомъ мало земли — по русскимъ земледѣльческимъ условіямъ — чтобы отъ нее можно было прокормиться. За эту землю они должны были дать слишкомъ высокую цѣну, уплату которой взяло на себя государство, постепенно взыскивающее теперь съ нихъ эту ссуду вмѣстѣ съ процентами. На крестьянъ же взвалена вся тяжесть поземельнаго налога, отъ котораго почти свободны дворяне, налога превосходящаго всю ренту съ крестьянской земли, такъ что дальнѣйшіе платежи крестьянъ — о которыхъ скажемъ ниже — составляютъ уже прямой вычетъ изъ дохода, соотвѣтствующаго заработной платѣ. Но всего этого еще не достаточно. Къ поземельному налогу и выкупнымъ платежамъ присоединены еще, со времени введенія мѣстнаго самоуправленія, мѣстные земскіе сборы. Существеннѣйшимъ слѣдствіемъ этой реформы были новыя податныя тягости для крестьянъ. Государство удержало за собою всѣ доходы, взваливъ значительную часть расходовъ на губерніи и уѣзды, которые ввели для покрытія этихъ расходовъ новые налоги, — въ Россіи же существуетъ ненамѣнное правило, по которому высшіе классы не платятъ почти ничего, а крестьяне почти все.

Такое положеніе какъ будто нарочно создано для ростовщиковъ, въ которыхъ дѣйствительно нѣтъ недостатка въ Россіи при почти безпримѣрной способности населенія къ низшимъ видамъ торговли, къ пользованію благопріятными обстоятельствами и къ неизбѣжному при этомъ надувательству, — не даромъ же еще Петръ I говорилъ, что русскій справится съ тремя жидами. Когда наступаетъ время взысканія податей, является ростовщикъ, *кулакъ* — часто богатый крестьянинъ той же общины — и предлагаетъ деньги. Крестьянину деньги нужны во что бы то ни стало, и онъ вынужденъ безпрекословно принять условія ростовщика.

Тѣмъ самымъ онъ еще глубже залѣзаетъ въ тиски и нуждается все въ большемъ и большемъ количествѣ наличныхъ денегъ. Ко времени жатвы приходитъ скупщикъ хлѣба, и нужда въ деньгахъ заставляетъ крестьянина уступить ему часть зерна, необходимаго для пропитанія семьи. Торговецъ хлѣбомъ распространяетъ ложные, сбивающіе цѣны слухи и уплачиваетъ по самой низшей, да и то еще отчасти разными высоко оцѣненными товарами, такъ какъ въ Россіи очень развита и эта система (Trucksystem) эксплуатаціи. Большой вывозъ русскаго хлѣба непосредственно основывается, какъ мы видимъ, на крестьянскомъ голодѣ. Другой способъ эксплуатаціи крестьянъ заключается въ томъ, что спекулянтъ арендуетъ у правительства на долгій срокъ участокъ казенной земли, обработываетъ его пока земля родитъ безъ удобренія, а затѣмъ дѣлитъ на мелкіе клочки и за высокую ренту сдаетъ истощенный участокъ сосѣднимъ малоземельнымъ крестьянамъ. Мы видѣли выше англійскую Trucksystem, а теперь имѣемъ точную копію съ ирландской системы посредничества (Middlemen). Словомъ, не существуетъ страны, въ которой, не смотря на всю первобытную дикость ея гражданскаго общества, капиталистическій паразитизмъ былъ бы такъ развитъ, какъ именно въ Россіи, гдѣ вся страна, вся масса населенія запутана и сжата въ его сѣтяхъ. И всѣ эти вампиры, сосущіе крестьянъ, не имѣютъ никакого интереса въ существованіи русскаго государства, законы и суды котораго охраняютъ ихъ чистоплотныя и выгодныя дѣлишки!

Крупная буржуазія Петербурга, Москвы, Одессы, развивающаяся съ неслыханной быстротой за послѣдніе десять лѣтъ, въ особенности при помощи желѣзныхъ дорогъ, и уже принимавшая дѣятельное участіе въ послѣднемъ кризисѣ, всѣ экспортеры зерна, льна, пеньки и сала, предпріятія которыхъ цѣликомъ основаны на крестьянской нуждѣ, вся русская крупная промышленность, существующая благодаря пожалованнымъ ей правительствомъ охранительнымъ пошлинамъ, всѣ эти очень значительные и быстро растущія элементы насе-

ленія не имѣютъ никакого интереса въ существованіи русскаго государства? Нечего ужь и говорить о безчисленной арміи чиновничества, наполняющей и обворовывающей Россію, и составляющей здѣсь настоящее сословіе. И когда послѣ всего этого г. Ткачевъ увѣряетъ насъ, что русское государство „не имѣетъ никакихъ корней въ экономической жизни народа, не воплощаетъ въ себѣ интересовъ никакого сословія и виситъ въ воздухѣ", то намъ начинаетъ казаться, что въ воздухѣ-то виситъ не русское государство, а скорѣе самъ г. Ткачевъ.

Что положеніе крестьянъ со времени освобожденія крестьянъ слишкомъ невыносимо, а слѣдовательно и неустойчиво, и что уже по одному этому революція въ Россіи близка — это ясно. Вопросъ лишь въ томъ, каковъ будетъ, каковъ можетъ быть результатъ этой революціи? Г. Ткачевъ говоритъ, что она будетъ соціальной революціей. Это простая тавтологія. Всякая настоящая революція есть соціальная революція, такъ какъ вручаетъ господство новому классу и даетъ ему возможность перестроить общество по своему образу и подобію. Но г. Ткачевъ хочетъ сказать, что революція будетъ соціалистической, что она введетъ въ Россію, даже раньше чѣмъ на Западѣ, тѣ общественныя формы, къ которымъ стремится западно-европейскій соціализмъ, и введетъ ихъ въ странѣ, гдѣ и пролетаріатъ и буржуазія находятся на низшей ступени развитія и существуютъ лишь спорадически. А возможно все это потому, что русскіе являются избраннымъ народомъ соціализма, такъ какъ имѣютъ артель и общинную собственность на землю.

Объ артели г. Ткачевъ упоминаетъ лишь мимоходомъ, но мы остановимся на ней подольше, такъ какъ уже со временъ Герцена многіе русскіе приписываютъ ей таинственную роль. Широко распространенная въ Россіи, она представляетъ собою простѣйшую форму свободной коопераціи, подобную той, которая существуетъ у охотничьихъ племенъ. Ея происхожденіе — татарское и по существу, и по названію. И то, и другое встрѣ-

чаются у киргизовъ, якутовъ и т. д., съ одной стороны и у лопарей, самоѣдовъ и у другихъ финскихъ народцевъ — съ другой [1]). Поэтому артель и развивается первоначально не на Юго-Западѣ Россіи, а на Сѣверѣ и Востокѣ, въ мѣстахъ соприкосновенія съ финнами и татарами. Суровый климатъ обусловливаетъ необходимость разнородной промышленной дѣятельности, причемъ недостатокъ городскаго развитія и капиталовъ по возможности возмѣщается этой формой коопераціи. Одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ артели, круговая порука, ведетъ свою родословную отъ кровнаго родства, подобно взаимной порукѣ у древнихъ германцевъ, кровавой мести и т. д. — Впрочемъ, слово артель примѣняется въ Россіи не только ко всякаго рода общественной дѣятельности, но и къ общественнымъ учрежденіямъ. Въ рабочихъ артеляхъ всегда выбирается староста, который по скольку въ этомъ чувствуется надобность, исполняетъ обязанности казначея, счетовода, надсмотрщика и пр., и получаетъ за это особое жалованье. Подобныя артели возникаютъ:

1) Для временныхъ предпріятій, по исполненіи которыхъ онѣ распадаются;

2) Между людьми, занимающимися однимъ и тѣмъ же ремесломъ, напримѣръ, между посильщиками;

3) Для постоянныхъ предпріятій, промышленныхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Артель учреждается на основаніи договора, подписываемаго всѣми ея членами. Если артельщики не обладаютъ необходимымъ капиталомъ, какъ это часто случается въ сыровареніи, въ рыболовствѣ (гдѣ средства нужны на покупку неводовъ, судовъ и проч.), то артель попадаетъ во власть кулака, который ссужаетъ недостающее за высокіе проценты, и присвоиваетъ себѣ большую часть продукта труда Но еще ужаснѣе эксплуатируются тѣ артели, которыя непосредственно

---

[1]) Объ артели см., между прочимъ. Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, С.-Петербургъ 1873, I-й выпускъ.

нанимаются въ работу къ предпринимателямъ. Онѣ сами ведутъ свою промышленную дѣятельность и тѣмъ сберегаютъ предпринимателю издержки надзора. Онъ даетъ имъ помѣщеніе и съѣстные припасы, при чемъ опять развивается самая ужасная Trucksystem. Такъ происходитъ дѣло у дровосѣковъ и смолокуровъ Архангельской губерніи, въ многихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности въ Сибири и проч. (Ср. Флеровскаго, Положеніе рабочаго класса въ Россіи, С.-Петербургъ 1869). Такимъ образомъ артель *облегчаетъ* здѣсь капиталисту эксплуатацію наемныхъ рабочихъ. Съ другой стороны есть артели, которыя *сами* имѣютъ наемныхъ рабочихъ, не состоящихъ ихъ членами.

Какъ видимъ, артель есть первобытная и потому очень неразвитая форма кооперативнаго товарищества и, какъ таковая, она не имѣетъ въ себѣ ничего исключительно славянскаго. Подобныя товарищества являются всюду, гдѣ въ нихъ чувствуется нужда: въ Швеціи въ молочномъ дѣлѣ, въ Англіи въ рыболовствѣ, гдѣ онѣ даже очень разнообразны. Силезскіе землекопы (нѣмцы, отнюдь не поляки), строившіе въ сороковыхъ годахъ многія нѣмецкія желѣзныя дороги, были организованы въ настоящія артели. Преобладеніе этой формы въ Россіи доказываетъ, разумѣется, существованіе въ русскомъ народѣ сильнаго стремленія къ ассоціаціи, но вовсе еще не доказываетъ, что этотъ народъ способенъ, благодаря этому стремленію, прямо перескочить изъ артеля въ соціалистическую форму общежитія. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы артель оказалась способной къ внутреннему развитію, чтобы она покинула свою первобытную форму, — въ которой она, какъ мы видѣли, полезнѣе капиталу, чѣмъ работнику, — и доросла, *по крайней мѣрѣ* до западно-европейскихъ кооперативныхъ товариществъ. Но артель очень далека отъ того, если вѣрить г. Ткачеву (что, послѣ всего предъидущаго, болѣе, чѣмъ рискованно). Съ чрезвычайно характерной для его точки зрѣнія гордостью онъ увѣряетъ насъ, напротивъ: „Что касается промышленныхъ и кредитныхъ

ассоціацій на нѣмецкій (!) ладъ, то большинство нашихъ рабочихъ встрѣчаетъ ихъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и онѣ почти повсюду потерпѣли фіаско". Современныя промышленныя товарищества доказали по крайней мѣрѣ свою способность съ выгодой и самостоятельно вести крупныя промышленныя предпріятія (прядильныя и ткацкія въ Ланкаширѣ). Артель не только оказывалась до сихъ поръ неспособной къ этому, но она неизбѣжно разрушится при столкновеніи съ крупной промышленностью, если не выступитъ на путь дальнѣйшаго развитія.

Общинное землевладѣніе русскихъ крестьянъ было открыто въ 1845 г. прусскимъ регирунгсратомъ Гакстгаузеномъ, который прокричалъ о немъ, какъ о чемъ-то совершенно необычайномъ, хотя могъ найти многіе его остатки въ своемъ вестфальскомъ отечествѣ и даже обязанъ былъ, въ качествѣ правительственнаго чиновника, имѣть о нихъ точныя свѣдѣнія. Отъ Гакстгаузена Герценъ, который самъ былъ русскимъ помѣщикомъ, узналъ, что его крестьяне владѣютъ землею на общинномъ началѣ, и воспользовался этимъ для изображенія русскихъ крестьянъ, какъ истинныхъ носителей соціализма, какъ прирожденныхъ коммунистовъ, въ противоположность рабочимъ старѣющаго, разлагающагося Запада, которые должны искуственно примучивать себя къ соціализму. Отъ Герцена это свѣдѣніе перешло къ Бакунину, а отъ Бакунина къ г. Ткачеву. Послушаемъ этого послѣдняго.

„Нашъ народъ... въ своемъ огромномъ большинствѣ... проникнутъ принципами общиннаго владѣнія; онъ, если можно такъ выразиться, инстинктивный, традиціонный коммунистъ. Идея коллективной собственности такъ прочно срослась со всѣмъ міросозерцаніемъ русскаго народа (мы сейчасъ увидимъ, на сколько широко это міросозерцаніе), что теперь, — когда русское правительство начинаетъ понимать несовмѣстность этой идеи съ принципами „благоустроеннаго" общества и старается, во имя этихъ принциповъ, привить къ народному сознанію и къ народной жизни идею частной соб-

ственности,— оно достигаетъ этого только съ помощью штыковъ и розогъ. Отсюда ясно, что нашъ народъ, несмотря на свое невѣжество, гораздо ближе къ соціализму, чѣмъ народы западной Европы, хотя они и болѣе образованы."

Въ дѣйствительности, общинное землевладѣніе встрѣчается на низшей ступени развитія у всѣхъ индо-германскихъ народовъ отъ Индіи до Ирландіи и даже у малайцевъ, — напр. на Явѣ, — развивающихся подъ индѣйскимъ вліяніемъ. Еще въ 1608 г. существованіе общиннаго землевладѣнія на только что завоеванномъ Сѣверѣ Ирландіи дало англичанамъ предлогъ объявить землю никому не принадлежащей и конфисковать ее. Въ Индіи до сихъ поръ существуетъ цѣлый рядъ формъ общинной собственности. Въ Германіи она была распространена повсюду; остатками ея являются теперь здѣсь и тамъ встрѣчающіяся общинныя земли; мѣстами, особенно въ горахъ, встрѣчаются даже передѣлы. Болѣе точныя указанія и подробности относительно древне-нѣмецкаго общиннаго землевладѣнія читатель найдетъ въ различныхъ сочиненіяхъ Маурера, которыя въ этомъ отношеніи должны быть признаны образцовыми. Въ западной Европѣ, включая сюда Польшу и Малороссію, эта общинная собственность сдѣлалась, на извѣстной ступени общественнаго развитія, препятствіемъ, тормазомъ земледѣлія и была мало по малу устранена. Напротивъ, въ Великороссіи (т. е. въ собственной Россіи) она сохранилась до сихъ поръ, доказывая этимъ самымъ, что земледѣліе и соотвѣтствующія ему сельскія общественныя отношенія находятся здѣсь еще въ очень неразвитомъ состояніи, какъ это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Существованіе русскаго крестьянина ограничено предѣлами его общины; весь остальной міръ существуетъ для него лишь постольку, поскольку касается его общины. До какой степени это вѣрно, показываетъ то обстоятельство, что на русскомъ языкѣ одно и то же слово, *міръ*, означаетъ съ одной стороны *вселенную*, а съ другой — *крестьянскую общину*. *Весь міръ* на крестьянскомъ языкѣ означаетъ собраніе

всѣхъ членовъ общины. Слѣдовательно, если г. Ткачевъ говоритъ о „міросозерцаніи" русскаго крестьянина, то онъ очевидно играетъ словомъ міръ. Подобное полнѣйшее изолированіе общинъ одной отъ другой, создающее во всей странѣ хотя и *одинаковые*, но ни мало не *общіе* интересы, составляетъ естественную основу *восточнаго деспотизма*, который и являлся, какъ дополненіе этой общественной формы, всюду, гдѣ она преобладала, — отъ Индіи до Россіи. Не только русское государство вообще, но даже его специфическая форма, царскій деспотизмъ, вмѣсто того, чтобы висѣть въ воздухѣ, является необходимымъ и логическимъ продуктомъ русскихъ общественныхъ отношеній, съ которыми онъ, по словамъ г. Ткачева, „не имѣетъ ничего общаго"! Дальнѣйшее развитіе Россіи въ *буржуазномъ* направленіи и здѣсь мало по малу уничтожило бы общину, безъ всякаго вмѣшательства государства съ его „штыками и розгами." И это тѣмъ легче, что русская община не похожа на встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, гдѣ крестьяне общими силами обработываютъ почву и дѣлятъ лишь продуктъ; напротивъ, въ Россіи земля періодически передѣляется между отдѣльными семьями, и каждая семья самостоятельно воздѣлываетъ свой участокъ. Это дѣлаетъ возможнымъ возникновеніе очень большого неравенства въ благосостояніи отдѣльныхъ членовъ общины, неравенства, которое мы и видимъ въ дѣйствительности. Почти повсемѣстно встрѣчаются богачи-крестьяне, — иногда милліонеры, — которые занимаются ростовщичествомъ и высасываютъ соки изъ остальной массы крестьянъ. Это прекрасно извѣстно г. Ткачеву. Въ то самое время, какъ онъ старается увѣрить нѣмецкихъ рабочихъ въ томъ, что только штыки и розги могли бы заставить инстинктивнаго, традиціоннаго коммуниста, русскаго крестьянина, покинуть „идею коллективной собственности", онъ разсказываетъ въ своей русской брошюрѣ, на стр 15: „среди крестьянъ образуется классъ кулаковъ, скупщиковъ и арендаторовъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ

земель — родъ крестьянской аристократіи" [1]). Это именно тѣ вампиры, которыхъ мы описали выше.

Сильнѣйшій ударъ общинному землевладѣнію нанесло опять таки уничтоженіе крѣпостнаго права. За помѣщиками осталась большая и лучшая часть земли; крестьянамъ дали надѣлы, еле-еле достаточные для того, чтобы не умереть съ голоду, а часто и того меньше. При этомъ, такъ какъ лѣса отошли къ помѣщикамъ, крестьянинъ долженъ теперь покупать то самое топливо, и тотъ самый строевой лѣсъ, которые прежде онъ могъ брать даромъ. Такимъ образомъ у крестьянина нѣтъ теперь ничего, кромѣ избы и голаго клочка земли; у него нѣтъ средствъ, нужныхъ для земледѣлія, да, въ среднемъ его надѣлъ и не можетъ прокормить его съ семьею отъ жатвы до жатвы. При такомъ положеніи, и подъ гнетомъ податей и кулаковъ, общинное землевладѣніе перестаетъ быть благодѣтельнымъ учрежденіемъ, оно превращается въ ярмо. Крестьяне бѣгутъ изъ общины съ семьями или безъ семей, они бросаютъ землю, стараясь прокормиться отхожими промыслами [2]).

Мы видимъ, что русская община давно уже пережила время своего процвѣтанія и, по всей вѣроятности, идетъ къ разложенію. Однако существуетъ неоспоримая возможность перехода ея въ высшую форму общежитія, если только она сохранится до тѣхъ поръ, когда обстоятельства позволятъ такой переходъ, и если она окажется способной къ развитію въ томъ смыслѣ, что

---

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду брошюру Ткачева „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи". Не имѣя этой брошюры подъ руками, мы переводимъ сдѣланную Энгельсомъ цитату съ нѣмецкаго.

(*Прим. переводчика*).

[2]) О положеніи крестьянъ см., между прочимъ, оффиціальный отчетъ правительственной комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства 1873), и Скальдина: Въ Захолустьи и въ столицѣ, Петербургъ 1870. Авторъ этого послѣдняго сочиненія принадлежитъ къ числу либеральныхъ консерваторовъ.

крестьяне [1]) станутъ обработывать землю не подворно, а всѣмъ міромъ; тогда русскіе крестьяне перейдутъ прямо къ высшей формѣ, минуя промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности. Но это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если пролетаріатъ западной Европы совершитъ побѣдоносную революцію еще до окончательнаго разложенія русской общины и тѣмъ обезпечитъ потребныя для указаннаго перехода условія, — въ особенности матерьяльныя средства, которыя понадобятся русскому крестьянину для подобнаго коренного переворота во всей его хозяйственной системѣ. Такимъ образомъ, г. Ткачевъ говоритъ чистѣйшій вздоръ, утверждая, что русскіе крестьяне, — хотя и „собственники", — „ближе къ соціализму", чѣмъ лишенные собственности рабочіе западной Европы.

Какъ разъ на оборотъ Если что-нибудь можетъ еще спасти русскую общинную собственность, давъ ей возможность перейти въ новую, дѣйствительно жизнеспособную форму, такъ это именно революція западноевропейскаго пролетаріата.

Какъ легко устраиваетъ г. Ткачевъ экономическую революцію, съ такою же легкостію дѣлаетъ онъ и политическую. Русскій народъ, разсказываетъ онъ, „безпрерывно протестуетъ" противъ рабства, выражая свой протестъ въ формѣ „религіозныхъ сектъ... отказа отъ уплаты податей... разбойничьихъ шаекъ (Шиндергансъ оказывается, такимъ образомъ, отцемъ нѣмецкой соціаль-демократіи, съ чѣмъ нѣмецкіе рабочіе могутъ себя поздравить)... поджоговъ... бунтовъ... поэтому русскій народъ можно назвать инстинктивнымъ революціонеромъ."

---

[1]) Въ Польшѣ, особенно въ Гродненской губерніи, гдѣ дворянство по большей части разорилось вслѣдствіе возстанія 1863 г., крестьяне очень часто покупаютъ или арендуютъ дворянскія имѣнія и обработываютъ ихъ *сообща*. А эти крестьяне уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не знаютъ общиннаго землевладѣнія, и при томъ они не великороссы, а поляки, литовцы и бѣлоруссы.

Все это убѣждаетъ г. Ткачева, что „нужно только разбудить одновременно во многихъ мѣстахъ накопленное чувство озлобленія и недовольства... всегда кипящее въ груди нашего народа.“ „Тогда соединеніе революціонныхъ силъ произойдетъ *уже само собою*, а борьба... должна будетъ окончиться благопріятно для народнаго дѣла. Практическая необходимость, инстинктъ самосохраненія“ создадутъ уже сами собою „тѣсный и неразрывный союзъ между протестующими общинами.“

Болѣе легкой и пріятной революціи невозможно себѣ представить. Стоитъ только одновременно ударить въ трехъ, четырехъ мѣстахъ, а тамъ „инстинктивный революціонеръ,“ „практическая необходимость,“ „инстинктъ самосохраненія“ уже сами собою сдѣлаютъ всѣ остальное. Просто непонятно, какъ это при такой неимовѣрной легкости революція давно уже не сдѣлана, народъ не освобожденъ и Россія не превращена въ образцовую страну соціализма.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Русскій народъ, этотъ инстинктивный революціонеръ, дѣлалъ, правда, безчисленныя, разрозненныя крестьянскія возстанія противъ дворянъ и отдѣльныхъ чиновниковъ, но *никогда противъ царя*, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда *ложный царь* становился во главѣ его и шелъ требовать свою корону. Послѣднее большое крестьянское возстаніе при Екатеринѣ II было возможно лишь потому, что Емельянъ Пугачевъ выдалъ себя за ея мужа Петра III, будто бы не убитаго, а лишеннаго женой трона и посаженнаго въ тюрьму, изъ которой ушелъ. Царь представляется крестьянину земнымъ богомъ; Богъ высоко, царь далеко, восклицаетъ онъ въ отчаяніи. Что масса крестьянскаго населенія, въ особенности со времени отмѣны крѣпостнаго права, поставлена въ положеніе, все настоятельнѣе толкающее ее на борьбу съ царскимъ правительствомъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но свою сказку объ „инстинктивномъ революціонерѣ“ пусть г. Ткачевъ разсказываетъ кому-нибудь другому.

А потомъ, *если бы* даже русскій крестьянинъ былъ какъ нельзя болѣе революціоненъ по инстинкту; *если бы* даже мы представили себѣ, что революцію можно сдѣлать на заказъ, какъ кусокъ узорчатаго ситца или чайникъ, — даже допустивши все это, я спрашиваю: дозволительно-ли человѣку, пережившему двѣнадцатилѣтній возрастъ, имѣть до такой степени ребяческое представленіе о ходѣ революціи, какое мы сейчасъ видѣли? И подумать только, что это написано послѣ блистательнѣйшаго крушенія въ 1873 году въ Испаніи первой, приготовленной по бакунинскому образцу революціи. Тамъ тоже сразу ударили въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Тамъ тоже разсчитывали на практическую необходимость и инстинктъ самосохраненія, которые уже сами собою создадутъ крѣпкій, неразрывный союзъ между протестующими общинами. И что же вышло? Каждая община, каждый городъ защищались въ одиночку, о взаимной поддержкѣ не было рѣчи, и Наваи достаточно было 3,000 солдатъ, что бы въ 14 дней покорить одинъ городъ за другимъ и положить конецъ всему анархическому великолѣпію (см. мою брошюру „Bakuninisten an der Arbeit," гдѣ это разсказано подробно.)

Россія несомнѣнно находится наканунѣ революціи. Ея финансы разстроены до послѣдней степени. Тиски для выжиманья податей отказываются служить. Проценты по старымъ государственнымъ долгамъ уплачиваются посредствомъ новыхъ займовъ, и каждый новый заемъ встрѣчаетъ все большія затрудненія; вѣдь только подъ предлогомъ постройки желѣзныхъ дорогъ удается еще доставать деньги! Администрація издавна испорчена до мозга костей; чиновники живутъ больше воровствомъ, взятками и вымогательствомъ чѣмъ жалованьемъ. Все земледѣльческое производство — наиважнѣйшее въ Россіи — приведено въ полный безпорядокъ освобожденіемъ 1861 года; крупное землевладѣніе не имѣетъ достаточно рабочихъ силъ, крестьяне не имѣютъ достаточно земли, раздавлены податями и обобраны ростовщиками; земле-

дѣльческій продуктъ съ года на годъ уменьшается. Все это зданіе поддерживается съ большимъ трудомъ и лишь внѣшнимъ образомъ посредствомъ такого азіатскаго деспотизма, такого произвола, о которомъ мы, западные люди, не можемъ даже составить себѣ понятія. Этотъ деспотизмъ становится съ каждымъ днемъ по все болѣе и болѣе вопіющее противорѣчіе со взглядами образованнытъ классовъ, въ особенности съ быстро растущей столичной буржуазіей. Кромѣ того, деспотизмъ при своемъ теперешнемъ представителѣ, самъ теряетъ голову: сегодня дѣлаетъ либеральныя уступки, завтра-же, перепугавшись, отнимаетъ ихъ обратно, и такимъ образомъ самъ-же все болѣе и болѣе уничтожаетъ всякое къ себѣ довѣріе. При этомъ, въ самыхъ образованныхъ, концентрирующихся въ столицѣ слояхъ націи ростетъ сознаніе невыносимости такого положенія и близости переворота, и въ тоже время является иллюзія возможности направить этотъ переворотъ въ спокойное русло конституціи. Здѣсь соединены всѣ условія революціи, которую начнутъ высшіе столичные классы, быть можетъ даже само правительство, но неизбѣжно продолжатъ и скоро выведутъ изъ ея перваго конституціоннаго фазиса крестьяне. Эта революція, уже потому одному имѣющая величайшую важность для Европы, что сразу уничтожитъ послѣдній, еще не тронутый резервъ всей европейской реакціи, — эта революція несомнѣнно наступаетъ. Отдалить ее могутъ лишь два событія: удачная война противъ Турціи или Австріи — но для этого нужны деньги и прочные союзы — или преждевременная попытка возстанія, которая снова загонитъ имущіе классы въ объятія правительства.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

(1894 г.)

Прежде всего я долженъ сдѣлать одну поправку: г. Ткачевъ былъ, собственно говоря, не бакунистомъ т. е. анархистомъ, а выдавалъ себя за „бланкиста". Моя ошибка была очень естественна, такъ какъ этотъ господинъ, по обычаю тогдашнихъ эмигрантовъ изъ Россіи, выступая противъ Запада, держалъ себя солидарно со всею русской эмиграціей и въ своей брошюрѣ также усердно защищалъ Бакунина съ товарищами отъ моихъ нападеній, какъ если бы они были направлены противъ него самаго.

Взгляды на коммунистическую крестьянскую общину въ Россіи, которые отстаивалъ г. Ткачевъ, принадлежали въ общихъ чертахъ Герцену. Этотъ панславистскій беллетристъ, превратившійся въ революціонера, узналъ изъ Гакстгаузеновскихъ „Studien über Russland," что крѣпостные крестьяне въ его имѣніяхъ не знаютъ частной поземельной собственности и передѣляютъ между собою время отъ времени пахотную и луговую землю. Въ качествѣ беллетриста Герценъ не нуждался въ изученіи фактовъ, вскорѣ сдѣлавшихся общеизвестными и могъ не знать, что общинная собственность на землю господствовала въ первобытныя времена у Германцевъ, Кельтовъ, Индійцевъ, словомъ

у всѣхъ индогерманскихъ народовъ, что въ Индіи она еще существуетъ, въ Ирландіи и Шотландіи была насильственно разрушена лишь въ новѣйшія времена, въ Германіи и теперь еще встрѣчаются мѣстами вымирающіе остатки этой формы владѣнія, свойственной всѣмъ народамъ на извѣстной ступени развитія. Но въ качествѣ панслависта и въ то же время сторонника соціализма, или по крайней мѣрѣ соціалистической фразы, Герценъ нашелъ въ общинѣ лишній предлогъ для прославленія своей „святой Руси", призванной обновить и возродить — силою оружія, если это понадобится — отживший и гниплой Западъ. Ограниченные французы и англичане, не смотря на всѣ усилія, не могутъ достичь того, что давно существуетъ у русскихъ въ готовомъ видѣ. „Сохранить крестьянскую общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-government по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство — вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е., вопросъ той же соціальной автономіи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада." (Герценъ, Письма къ Линтону). И такъ, Россію можетъ занимать политическій вопросъ, но „вопросъ соціальный" для нея уже рѣшенъ.

Не хуже Герцена съумѣлъ облегчить для себя всѣ задачи и его послѣдователь г. Ткачевъ. Правда, въ 1875 году не было больше возможности утверждать, что „соціальный вопросъ" въ Россіи уже рѣшенъ, но русскіе крестьяне, какъ прирожденные коммунисты, все таки продолжали стоять въ его глазахъ безконечно ближе къ соціализму и пользоваться кромѣ того безконечно большимъ благосостояніемъ, чѣмъ несчастные, покинутые богомъ, западно-европейскіе пролетаріи. Если французскіе республиканцы въ силу своей столѣтней революціонной дѣятельности считали свой народъ избраннымъ народомъ въ политикѣ, то многіе изъ тогдашнихъ русскихъ соціалистовъ провозглашали свой народъ избраннымъ народомъ соціализма. Не изъ борьбы западно-европейскаго пролетаріата, а изъ глу-

бокихъ нѣдръ русскаго крестьянства должно было, по ихъ мнѣнію, выйти возрожденіе стараго экономическаго міра. Противъ этихъ-то ребяческихъ взглядовъ и были направлены мои возраженія.

Но значеніе русской общины признавалось также людьми, стоявшими неизмѣримо выше Герцена и Ткачева. Въ ихъ числѣ былъ Николай Чернышевскій, этотъ великій мыслитель, такъ безконечно много сдѣлавшій для Россіи и медленно умерщвленный, посредствомъ долголѣтней ссылки среди сибирскихъ якутовъ Александромъ II — „Освободителемъ", на памяти котораго это убійство навсегда останется позорнымъ пятномъ.

Вслѣдствіе русской идейной таможни, Чернышевскій не былъ знакомъ съ произведеніями Маркса, а когда появился „Капиталъ", онъ давно уже сидѣлъ въ Средне Вилюйскѣ между якутами. Все его умственное развитіе должно было совершиться въ ограниченной средѣ, созданной умственной таможнею. Чего не пропускала русская цензура, то не существовало или почти не существовало для Россіи. Поэтому, если у Чернышевскаго и встрѣчаются отдѣльные слабые пункты и замѣчается мѣстами нѣкоторая ограниченность взгляда, то приходится удивляться лишь тому, что у него не встрѣчается гораздо больше такихъ недостатковъ.

Чернышевскій тоже видѣлъ въ русской крестьянской общинѣ средство перехода отъ существующей общественной формы къ новой, которая будетъ выше какъ русской общины, такъ и западно европейскаго капиталистическаго общества съ его классовыми противорѣчіями. Въ обладаніи этимъ средствомъ, котораго лишенъ Западъ, Чернышевскій видѣлъ преимущество Россіи.

„Введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затрудняется въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ правъ отдѣльной личности... не легко отказываться хотя бы даже отъ незначительной части того, чѣмъ привыкъ пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности част-

ныхъ правъ. Пользѣ и необходимости взаимныхъ уступокъ можетъ научить только горькій опытъ и продолжительное размышленіе. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединенъ съ пожертвованіями, и поэтому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселянина." Но „то, что представляется утопіей въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ... тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуетъ у русскаго, какъ фактъ его народной жизни.... Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуютъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта... Мы видимъ, какія печальныя послѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ." (Сочиненія Чернышевскаго. Женева. Т. V, стр. 17-19. Цитировано у Плеханова, „Наши Разногласія," Женева 1885 г.)

Объ уральскихъ казакахъ, у которыхъ существовала общая обработка земли съ послѣдующимъ дѣленіемъ продукта между отдѣльными семьями, Чернышевскій говоритъ: „Если уральцы доживутъ въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ до того времени, когда введены будутъ въ хлѣбопашество машины, то уральцы будутъ тогда очень рады, что сохранилось у нихъ устройство, допускающее употребленіе такихъ машинъ, требующихъ хозяйства въ огромныхъ размѣрахъ, на сотняхъ десятинъ." (Тамъ-же, стр. 135). Не надо забывать при этомъ, что уральцы, со своею сохраненной по военнымъ соображеніямъ (вѣдь и мы имѣемъ казарменный коммунизмъ) общей обработкой земли, стоятъ въ Россіи совершенно одиноко, въ родѣ нашихъ крестьянъ на Мозелѣ съ ихъ предѣлами. И если уральцы сохранятъ теперешніе порядки до того времени, когда достаточно созрѣютъ для введенія машинъ, то въ выгодѣ отъ этого

будутъ не они, а русское военное казначейство, у котораго они въ рабствѣ [1]).

Во всякомъ случаѣ былъ несомнѣненъ тотъ фактъ, что одновременно съ разложеніемъ западно-европейскаго капиталистическаго общества, которому грозятъ гибелью необходимыя противорѣчія его же собственнаго развитія, въ Россіи около половины обработываемой земли находится въ общинной собственности крестьянъ. На Западѣ разрѣшающая противорѣчія новая общественная организація предполагаетъ переходъ всѣхъ средствъ производства, а слѣдовательно и земли, въ общую собственность всего общества. Какъ-же относится къ этой общественной собственности, которую предстоитъ еще создать на Западѣ, русская, *уже* существующая, или вѣрнѣе *еще* сохранившаяся, общинная собственность?? Не можетъ ли она послужить исходнымъ пунктомъ національнаго акта, который, перескочивъ черезъ весь капиталистическій періодъ, сразу переведетъ русскій крестьянскій коммунизмъ, обогащенный всѣми техническими пріобрѣтеніями капиталистической эпохи, на степень современной соціалистической общественной собственности на всѣ средства производства? Или, говоря словами Маркса, который (въ цитируемомъ ниже письмѣ) такъ резюмируетъ взглядъ Чернышескаго: „Должна ли Россія сперва разрушить крестьянскую общину, какъ того требуютъ либералы, что бы затѣмъ перейти къ капиталистической системѣ, или она можетъ, наоборотъ, минуя мученія этой системы, присвоить себѣ всѣ ея плоды, развивая далѣе свои собственныя, исторически данныя условія?"

Самая постановка вопроса уже показываетъ направленіе, въ которомъ слѣдуетъ искать его рѣшенія.

---

[1]) Общинные порядки быстро разлагаются на Уралѣ, какъ это видно изъ чрезвычайно интересной книги г. Бородина: „Уральское казачье войско." Теперь уже совсѣмъ ничего не слышно объ общинной обработкѣ полей на Уралѣ. (*Примѣч. перев.*)

Русская община просуществовала сотни лѣтъ, не обнаруживая никакихъ признаковъ стремленія къ самостоятельному развитію въ высшую форму общественной собственности; не было этого стремленія и въ нѣмецкой маркѣ, кельтическомъ кланѣ, въ индѣйской и всякой иной общинѣ съ первобытно-коммунистическимъ строемъ. Всѣ они съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ какъ окружающаго ихъ извнѣ, такъ и возникающаго внутри и постепенно распространяющагося товарнаго производства и обмѣна между отдѣльными семьями и лицами, все болѣе и болѣе теряли свой коммунистическій характеръ и превращались въ общины независимыхъ другъ отъ друга землевладѣльцевъ. Поэтому, если вообще можно задаваться вопросомъ о томъ, не предстоитъ ли русской общинѣ иное, лучшее будущее, то самый поводъ для такого вопроса лежитъ вовсе не въ общинѣ, а единственно лишь въ томъ обстоятельствѣ, что она сохранила въ европейской странѣ сравнительную жизненность до того времени, когда не только товарное производство вообще, но и его высшая форма, капиталистическое производство стало въ противорѣчіе съ созданными имъ производительными силами, чѣмъ доказывало свою неспособность къ дальнѣйшему руководству этими силами и идетъ къ гибели вслѣдствіе своихъ внутреннихъ противорѣчій и вытекающихъ изъ нихъ классовыхъ столкновеній. Уже изъ одного этого очевидно, что инициатива переустройства русской общины не можетъ исходить отъ нея самой, а единственно только отъ западно-европейскаго промышленнаго пролетаріата. Побѣда этого пролетаріата надъ буржуазіей и связанная съ нею замѣна капиталистическаго производства общественнымъ является необходимымъ предварительнымъ условіемъ подъема русской общины на ту же ступень.

И дѣйствительно, нигдѣ и никогда вышедшій изъ родоваго быта земельный коммунизмъ не развивалъ изъ себя ничего кромѣ собственнаго разложенія. Русская же община уже въ 1861 году представляла собою лишь ослабленную форму этого коммунизма. Общая обработка

земли, существующая въ нѣкоторыхъ странахъ Индіи и въ южно-славянской задругѣ, бывшей вѣроятно родоначальницей русской общины, въ этой послѣдней уступила мѣсто хозяйству отдѣльныхъ семействъ; общинный характеръ земельной собственности проявляется здѣсь лишь при передѣлахъ, совершающихся въ различныхъ мѣстностяхъ въ различные промежутки времени. Стоитъ только этимъ передѣламъ прекратиться самимъ собою или быть отмѣненными, и деревня мелкихъ частныхъ собственниковъ готова.

Простой фактъ одновременнаго существованія русской общины и западно-европейскаго капитализма приближающагося къ паденію и даже выяснившаго новую форму планомѣрнаго употребленія средствъ производства, составляющихъ общественную собственность — этотъ голый фактъ не можетъ дать русской общинѣ силу развить изъ себя самой новую общественную форму. Какимъ образомъ гигантскія производительныя силы капитализма могутъ быть присвоены въ качествѣ общественной собственности и общественнаго орудія русской общиной, когда само капиталистическое общество еще не совершило этой революціи? Какъ могла бы она показать міру способъ общественнаго веденія крупнаго производства, когда сама разучилась уже сообща обработывать свои поля?

Конечно, въ Россіи не мало людей, хорошо изучившихъ западное капиталистическое общество со всѣми его непримиримыми противорѣчіями и столкновеніями и выяснившихъ себѣ выходъ изъ этого кажущагося тупаго переулка. Но во первыхъ, тысячи двѣ понимающихъ дѣло русскихъ людей живутъ не въ общинахъ, а около пятидесяти милліоновъ общинниковъ Великороссіи не имѣютъ обо всемъ этомъ ни малѣйшаго представленія. Они относятся къ упомянутымъ двумъ тысячамъ по меньшей мѣрѣ также безучастно, съ такимъ же непониманіемъ, съ какимъ относились англійскіе пролетаріи 1800-1840 гг. къ планамъ изобрѣтеннымъ Робертомъ Оуэномъ для ихъ спасенія. Между рабочими занятыми на фабрикѣ Оуэна въ Нью-Ланеркѣ большин-

ство состояло изъ людей тоже выросшихъ среди учрежденій и привычекъ разлагающагося коммунистическаго родоваго быта кельтско-шотландскаго клана, но Оуэнъ нигдѣ ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что онъ встрѣтилъ у нихъ больше пониманія чѣмъ у остальныхъ. А во вторыхъ, разрѣшеніе обществомъ, стоящимъ на низшей ступени развитія, тѣхъ задачъ и противорѣчій, которые возникаютъ и могутъ возникнуть лишь на гораздо высшей ступени, представляетъ собою историческую невозможность. Всѣ формы родоваго быта, возникшія до появленія товарнаго производства и индивидуальнаго обмѣна, имѣютъ лишь одну общую черту съ будущимъ соціалистическимъ обществомъ: нахожденіе нѣкоторыхъ вещей — средствъ производства въ общемъ владѣніи и пользованіи извѣстной группы лицъ. Но это единственное общее съ высшей формой свойство еще не сообщаетъ низшей формѣ способности породить изъ себя самой будущее соціалистическое общество, которое есть послѣдній продуктъ именно капитализма. Каждой данной экономической формаціи приходится разрѣшать свои собственныя, изъ нея самой вытекающія задачи; стремиться же къ разрѣшенію задачъ, вытекающихъ изъ иной совершенно чуждой ей формаціи было бы чистѣйшей безсмыслицей. Это одинаково относится какъ къ русской общинѣ, такъ и къ южно-славянской задругѣ, индійскому родовому хозяйству и всякой другой дикой или варварской общественной формѣ, отличающейся общимъ владѣніемъ средствами производства.

За то не только возможно, но несомнѣнно, что въ странахъ, едва подпавшихъ подъ власть капитализма и сохранившихъ еще свои родовыя учрежденія или ихъ остатки, эти остатки общей собственности и соотвѣтствующія имъ народныя привычки окажутся, послѣ побѣды пролетаріата и перехода у западно-европейскихъ народовъ средствъ производства въ общественную собственность, могучимъ орудіемъ, которое поможетъ этимъ отсталымъ странамъ значительно сократить процессъ своего развитія въ соціалистическія об-

щества и избѣжать большую часть страданій и борьбы выпавшихъ на долю намъ въ западной Европѣ. Но примѣръ и активная помощь Запада — пока еще капиталистическаго — являются неизбѣжнымъ условіемъ такого сокращеннаго развитія. Только тогда, когда съ капиталистическимъ хозяйствомъ будетъ покончено на его родинѣ, въ странахъ его высшаго процвѣтанія, только тогда, когда отсталыя страны увидятъ воочію „какъ это дѣлается", какимъ образомъ современныя производительныя силы употребляются въ качествѣ общественной собственности на службу всего народа, только тогда отсталыя общества смогутъ приняться за сокращеніе процесса своего развитія. Но тогда успѣхъ несомнѣненъ, не только для Россіи, но и для всѣхъ странъ, не достигшихъ еще капиталистической ступени развитія. Для Россіи-же общественное переустройство будетъ значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что часть его собственнаго населенія уже усвоила себѣ идейные результаты капиталистическаго развитія. Въ революціонное время это дастъ Россіи возможность произвести переворотъ почти одновременно съ Западомъ.

Это было уже высказано Марксомъ и мною 21 го Января 1882 года въ предисловіи къ сдѣланному Плехановымъ переводу „Коммунистическаго манифеста." Тамъ говорится: „Рядомъ съ быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью, мы находимъ въ Россіи большую половину земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ. Спрашивается теперь, можетъ ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытнаго коллективнаго владѣнія землею — непосредственно перейти въ высшую, коммунистическую форму землевладѣнія? Или, напротивъ, она должна пройти сначала тотъ же процессъ разложенія, который опредѣлилъ собою историческое развитіе на Западѣ? Единственный, возможный въ настоящее время, отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ: Если русская революція послужитъ

сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ пополнятъ другъ друга, то современное русское общинное землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія."

Не слѣдуетъ забывать, однако, что упомянутое здѣсь сильное разложеніе общинной собственности сдѣлало съ тѣхъ поръ значительные успѣхи. Неудачи крымской войны выяснили необходимость быстраго промышленнаго развитія Россіи. Прежде всего нужны были желѣзныя дороги, а ихъ постройка въ большихъ размѣрахъ невозможна безъ внутренней крупной промышленности. Предварительнымъ условіемъ для этого было такъ называемое освобожденіе крестьянъ. Съ нимъ началась для Россіи эра капитализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эра быстраго уничтоженія общинной собственности на землю. Наложенные для крестьянъ выкупные платежи, рядомъ съ повышенными налогами, и одновременнымъ ухудшеніемъ и уменьшеніемъ земельныхъ надѣловъ, толкнули ихъ въ руки ростовщиковъ, въ большинствѣ случаевъ разбогатѣвшихъ членовъ общины. Желѣзныя дороги открыли рынокъ для сбыта зерна многимъ не имѣвшимъ его раньше мѣстностямъ, но въ тоже время привезли въ эти мѣстности дешевые продукты крупной промышленности, вытѣснившіе домашнее производство крестьянъ, приготовлявшихъ подобные же продукты, частью для собственнаго потребленія, частью на продажу. Старыя отношенія, привычные способы пріобрѣтенія средствъ существованія разстроились; начался безпорядокъ, всюду сопровождающій переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Между членами общины возникло большое имущественное неравенство — бѣдняки попали въ рабство къ своимъ богатымъ сочленамъ-кредиторамъ. Словомъ, русскую общину началъ раздирать тотъ же разрушительный процессъ, который, во времена предшествовавшія Солону, уничтожилъ посредствомъ вторженія денежнаго хозяйства аѳинскій родовой бытъ [1]). Солонъ смогъ,

---

[1]) См. Энгельса „Ursprung der Familie", etc., 5-тое изданіе, стр. 109-118.

да, посредствомъ революціоннаго вмѣшательства
- тогда еще юное — право собственности освобо-
рабовъ-должниковъ простымъ уничтоженіемъ дол-
хъ обязательствъ; но и онъ не смогъ снова вы-
ъ къ жизни стараго аонскаго родоваго быта, какъ
можетъ уже никакая сила во мірѣ возстановить
кой общины, разъ ея разложеніе достигло извѣст-
пункта. Къ тому же русское правительство за-
ило повтореніе передѣловъ земли между членами
ины чаще 12 лѣтъ, имѣя въ виду постепенно от-
ь крестьянина отъ этихъ передѣловъ и пріучить
смотрѣть на себя какъ на частнаго собственника
го участка.

этомъ же смыслѣ высказался также Марксъ еще
1877 году въ одномъ письмѣ въ Россію. Нѣкто
уковскій, тотъ самый, который въ качествѣ кас-
государственнаго банка, украшаетъ теперь своей
пись русскіе кредитные билеты, помѣстилъ въ
стникѣ Европы" статью о Марксѣ. Другой писа-
возражалъ ему въ „Отечественныхъ Запискахъ".
твѣтъ на эту вторую статью Марксъ написалъ къ
ктору „Записокъ" открытое письмо, которое долго
ло въ Россіи въ копіяхъ съ французскаго оригн-
, затѣмъ въ 1886 году было переведено на русскій
ъ и напечатано въ женевскомъ „Вѣстникѣ Народ-
воли", а потомъ и въ самой Россіи. Въ русскихъ
ахъ это письмо — какъ и все исходившее отъ
кса — возбудило сильный интересъ и вызвало
личныя толкованія. Я привожу здѣсь поэтому сущ-
ъ его содержанія.

ежде всего Марксъ отвергаетъ приписанное ему
исками" согласіе со взглядами русскихъ либера-
, находящихъ, что Россія должна, какъ можно
ѣе, расторгнуть общинную собственность крестьянъ
оситься въ капитализмъ. Его краткая замѣтка о
енѣ въ приложеніи къ первому изданію „Капи-
" ничего не доказываетъ. Въ этой замѣткѣ гово-
: „Если на континентѣ Европы вліяніе капита-
ческаго производства, подкапывающагося подъ че-

ловѣческую расу... будетъ, какъ это было до сихъ поръ, развиваться рука объ руку съ конкурренціей на поприщѣ увеличенія размѣровъ національной солдатчины, государственныхъ долговъ, налоговъ, изящнаго веденія войны и проч., то возрожденіе Европы посредствомъ кнута и обязательнаго вливанія калмыцкой крови, съ такой серьезностью предсказанное полурусскимъ и вполнѣ москвичемъ Герценомъ, сдѣлается наконецъ неизбѣжнымъ. (Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ беллетристъ сдѣлалъ свое открытіе „русскаго коммунизма" не въ Россіи, а въ произведеніи прусскаго государственнаго совѣтника Гакстгаузена.") („Капиталъ" I, первое изданіе, стр. 763.) Затѣмъ Марксъ продолжаетъ: Это мѣсто „не можетъ ни въ какомъ случаѣ дать ключъ къ моимъ взглядамъ, на усилія русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, какимъ шла и идетъ Западная Европа" и т. д. Въ послѣсловіи ко второму нѣмецкому изданію „Капитала" я говорю съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, котораго онъ заслуживаетъ о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ." Этотъ ученый въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ занимается вопросомъ о томъ, должна ли Россія начать, какъ того требуютъ либеральные экономисты, съ разрушенія крестьянской общины и затѣмъ перейти къ капиталистическому строю, или, наоборотъ, она можетъ миновать мученія этого строя и присвоить себѣ всѣ его плоды, развивая далѣе свои собственныя исторически данныя условія. Чернышевскій высказывается въ послѣднемъ смыслѣ.

„Словомъ, такъ какъ я не люблю оставлять нѣчто угадывать („quelque chose a devinet" [1]) то выскажусь прямо. Что бы имѣть возможность судить съ полнымъ знаніемъ предмета объ экономическомъ развитіи Россіи, я выучился по русски и затѣмъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ какъ оффиціальные, такъ и

[1]) Г. Михайловскій говоритъ въ своей статьѣ, что такъ любитъ поступать г. Жуковскій. (*Прим. перев.*)

гіе печатные источники по этому предмету. Вотъ
ультатъ, къ которому я пришелъ: *Если Россія бу-
ъ продолжать идти по пути, на который вступила
1861 года, то она потеряетъ лучшій шансъ, который
а либо давала народу исторія, чтобы пройти вмѣ-
тою чрезъ всѣ роковыя послѣдовательныя измѣненія
капиталистической системы.*"

алѣе Марксъ разъясняетъ нѣкоторыя другія недо-
мѣнія своего критика; единственное мѣсто, ка-
щееся до нашего вопроса — слѣдующее: „Какой-
выводъ относительно Россіи могъ сдѣлать изъ этого
орическаго очерка (первоначальнаго накопленія)
критикъ? Только такой: Если Россія стремится
латься капиталистической страной по западно-евро-
скому образцу — а она въ послѣдніе годы много
дилась въ этомъ направленіи — то она не достиг-
ъ цѣли, не превративъ сперва доброй части своихъ
стьянъ въ пролетаріевъ, а затѣмъ, разъ захватитъ
круговоротъ капиталистическаго хозяйства, ей при-
ся, подобно другимъ грѣшнымъ народамъ, подчи-
ся дѣйствію неумолимыхъ законовъ этой системы.
ъ и все."

акъ писалъ Марксъ въ 1877 г. Тогда въ Россіи
о два правительства: царя и исполнительнаго ко-
ета заговорщиковъ-террористовъ. Сила тайнаго, по-
лнаго правительства росла со дня въ день; паденіе
изма казалось очень близкимъ. Ревсюція въ Россіи
пла бы европейскую реакцію ея сильнѣйшей под-
жки, ея великой резервной арміи и тѣмъ самымъ
бщила бы новую силу политическому движенію За-
а и поставила бы это движеніе въ несравненно благо-
тнѣйшія условія. Не мудрено, что Марксъ совѣто-
ъ русскимъ не слишкомъ спѣшить съ капита-
момъ.

еволюціи въ Россіи не произошло. Терроризмъ
ъ побѣжденъ царизмомъ, и даже снова загналъ
время въ объятія послѣдняго всѣ имущіе, „пре-
ные порядку" классы. За 17 лѣтъ прошедшихъ со
сения письма Маркса, какъ капитализмъ, такъ и раз-

ложеніе общины сдѣлали въ Россіи громадные успѣхи. Въ какомъ же положеніи находится этотъ вопросъ теперь, въ 1894 г.?

Такъ какъ послѣ неудачъ крымской войны и самоубійства царя Николая, старая деспотическая форма правленія сохранилась неизмѣнной, то для Россіи не оставалось другого пути кромѣ возможно быстраго перехода къ капиталистической промышленности. Русская армія погибла всѣдствіе гигантскихъ размѣровъ царства, во время долгаго пути къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Нужно было сократить эти размѣры посредствомъ стратегической сѣти желѣзныхъ дорогъ. Но выстроить желѣзныя дороги, значитъ завести капиталистическую промышленность и революціонизировать первобытное земледѣліе. Съ одной стороны, посредствомъ этихъ дорогъ земледѣльческій продуктъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей вступаетъ въ прямое сообщеніе со всемірнымъ рынкомъ, съ другой стороны, нельзя выстроить обширной желѣзно-дорожной сѣти и поддерживать на ней движеніе безъ содѣйствія внутренней промышленности, поставляющей рельсы, локомотивы, вагоны и проч. Но ввести *одну* отрасль крупной промышленности, не получивъ къ ней въ придачу всей капиталистической системы, тоже невозможно. Прядильно-ткацкая промышленность, постановленная на сравнительно современную ногу, и уже раньше пустившая корни въ московскомъ, владимірскомъ и прибалтійскомъ округахъ, быстро двинулась впередъ. Къ желѣзнымъ дорогамъ и фабрикамъ присоединились расширенныя и вновь основанныя кредитныя учрежденія. Отмѣна крѣпостнаго права давала крестьянамъ свободу передвиженія, въ ожиданіи скоро само собою послѣдовавшаго освобожденія значительной части этихъ крестьянъ также и отъ землевладѣнія. Такимъ, образомъ въ короткое время въ Россіи были положены всѣ основы капиталистическаго производства; но тѣмъ самымъ были также подрублены корни русской крестьянской общины.

Теперь на это жаловаться безполезно. Если бы послѣ крымской войны царскій деспотизмъ былъ замѣ-

непосредственнымъ парламентскимъ господствомъ
янства и бюрократіи, то, быть можетъ, этотъ про-
ъ совершался бы нѣсколько медленнѣе; если бы
ило правленія попало въ руки зарождавшейся
куазіи, онъ навѣрное пошелъ бы еще быстрѣе. При
ожъ положеніи вещей другого выбора не было.
второй имперіи во Франціи, рядомъ съ блиста-
нымъ развитіемъ капиталистической промышлен-
и въ Англіи, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, было
овать отъ Россіи, что бы, на основаніи своей кре-
нской общины, она бросилась очертя голову въ экс-
именты государственнаго соціализма. Нѣчто должно
о произойти и произошло то именно, что было воз-
но при данныхъ обстоятельствахъ; при чемъ, —
это всегда бываетъ въ странахъ съ товарнымъ
изводствомъ, — все дѣлалось полусознательно или
е совершенно механически съ полнымъ невѣдѣніемъ,
творится.

о вотъ пришло время германскихъ революцій
ху и быстраго роста соціализма во всѣхъ европей-
ъ странахъ. Россія приняла участіе въ этомъ
емъ движеніи. Само собой понятно, что здѣсь оно
лось въ форму борьбы противъ царскаго деспо-
ма за свободу умственнаго и политическаго движе-
для націи. Вѣра въ чудодѣйственную силу кре-
нской общины, въ которой можетъ и должно
ти соціальное освобожденіе, — а отъ подобной
ы не былъ, какъ мы видѣли, совершенно чистъ и
ышевскій, — эта вѣра сдѣлала свое дѣло, усиливъ
ушевленіе и энергію геройскихъ русскихъ борцовъ.
людьми, которые геройствомъ и самопожертвова-
ъ, не смотря на свою малочисленность (ихъ было
и двѣ — не болѣе), принудили абсолютизмъ па-
взвѣшивать возможность и условія капитуляціи,—
такими людьми мы не считались, когда они прини-
и свой народъ за избранный народъ соціальной ре-
оціи. Но раздѣлять ихъ иллюзій намъ все таки не
дуетъ. Время избранныхъ народовъ прошло без-
ратно.

Пока длилась эта борьба, капитализмъ быстро двигался впередъ и съ возрастающимъ успѣхомъ приводилъ царизмъ къ капитуляціи, добиться которой не удалось террористамъ.

Царскому правительству нужны были деньги на дворцовую роскошь, на бюрократію, прежде всего на армію и основанную на подкупѣ иностранную политику; но денегъ требовалось не только на все это, а еще въ особенности на поддержаніе жалкаго финансоваго хозяйства и соотвѣтствующей ему нелѣпой желѣзно-дорожной политики. Европа не хотѣла и не могла далѣе покрывать всѣхъ царскихъ дефицитовъ: на помощь должна была прійти сама страна; нужно было пристроить въ самой Россіи часть желѣзно-дорожныхъ акцій и займовъ. Первая побѣда русской буржуазіи состояла въ пріобрѣтеніи желѣзно-дорожныхъ концессій, которыми всѣ будущіе барыши отдавались акціонерамъ, а всѣ будущіе убытки возлагались на государство. Потомъ пошли субсидіи, преміи промышленнымъ предпріятіямъ, охранительныя пошлины въ пользу внутренней промышленности, сдѣлавшія подъ конецъ ввозъ многихъ предметовъ совершенно невозможнымъ. Русское государство, при своей безграничной задолженности и почти полномъ разстройствѣ иностраннаго кредита, имѣетъ прямой фискальный интересъ въ теплиномъ вращиваніи внутренней промышленности. Оно постоянно нуждается въ золотѣ для уплаты процентовъ по иностраннымъ займамъ. Но въ Россіи нѣтъ золота, тамъ въ обращеніи однѣ бумажки. Часть необходимаго металла доставляютъ пошлины, которыя предписано взимать золотомъ, чѣмъ повышены, мимоходомъ, на 50 % и самыя пошлины. Но большую часть золота долженъ доставлять избытокъ русскаго вывоза сырыхъ продуктовъ надъ ввозомъ заграничныхъ, обработанныхъ; скупая внутри страны, на бумажныя деньги, выданные за этотъ избытокъ иностранные векселя, правительство получаетъ по нимъ золото. Желая избавиться отъ необходимости уплачивать проценты по иностраннымъ займамъ, посредствомъ новыхъ иностранныхъ же зай-

правительство должно заботиться о томъ, чтобы
ая промышленность какъ можно скорѣе окрѣпла и
въ состояніи снабжать весь внутренній рынокъ.
да стремленіе сдѣлать Россію независимымъ са-
лѣющимъ промышленнымъ государствомъ, отсю-
е судорожныя усилія правительства поднять
ѣсколько лѣтъ капиталистическое развитіе Рос-
а требуемую высоту. Если бы это не уда-
правительству пришлось бы тратить собранный
сударственномъ банкѣ и казначействѣ военный
ческій фондъ или объявить государственное
отство. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ съ пно-
ной политикой Россіи было бы покончено.

о одно: при такихъ обстоятельствахъ государство
ится совершенно во власти молодой русской бур-
и. Оно вынуждено исполнять ея волю во всѣхъ
ихъ экономическихъ вопросахъ. И если буржуазія
трогиваетъ пока деспотическаго великолѣпія царя
чиновниковъ, то лишь потому, что это велико-
и безъ того смягченное подкупностью бюрокра-
аетъ ей болѣе гарантій, чѣмъ всякія перемѣны,
бы въ либерально-буржуазномъ направленіи, по-
твій которыхъ, при внутреннемъ состояніи Рос-
никто не можетъ предвидѣть. А тѣмъ временемъ
анценіе страны въ промышленно-капиталистичес-
пролетаризированіе большой части крестьянъ и
ie старой коммунистической общины идетъ впе-
пее ускоряющимся темпомъ.

е рѣшусь сказать, уцѣлѣли ли отъ русской об-
такіе остатки, которые могли бы, при подхо-
хъ условіяхъ, явиться, вмѣстѣ съ переворотомъ
ападѣ, исходнымъ пунктомъ коммунистическаго
тія, какъ мы съ Марксомъ надѣялись еще въ
году. Но вотъ что несомнѣнно: если остатки
ой общины могутъ быть спасены, то лишь при
и низверженіи царскаго деспотизма, — рево-
ъ Россіи. Эта революція вырветъ массу русскаго
а — крестьянъ — изъ уединенія ихъ деревень, со-
ющихъ для нихъ весь *міръ*, и выведетъ ихъ на

широкую арену, съ которой они увидятъ внѣшній міръ, а черезъ это узнаютъ и самихъ себя, свое собственное положеніе и средства спасенія изъ теперешней нужды. Но, кромѣ того, эта революція дастъ новый толчекъ рабочему движенію Запада, дастъ ему лучшія условія борьбы и тѣмъ ускоритъ побѣду промышленнаго пролетаріата, безъ которой современная Россія не можетъ прійти къ соціалистическому перевороту ни черезъ общину, ни черезъ капитализмъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DEC 5 62 H

DEC 19 62 H

DEC 3 '67 H

CANCELLED

174437

CANCELLED

APR 6 '71 H